

ФИЛОЛОГИЯ

Е.А. Жесткова

Концепция истории и вопросы сюжетосложения «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина

Отношение Карамзина к истории не было однозначным. В его воззрениях можно проследить определенную эволюцию, обусловленную становлением личности будущего писателя и историографа, постоянно углублявшего историческую концепцию, обогатившего ее опытом современности, придавшего одновременно своим текстам черты художественности повествованию.

Проследим этапы формирования историософских взглядов Карамзина.

Сильное влияние на Карамзина в ранний период его литературной деятельности оказали масонские идеи нравственного формирования человека и человечества в целом. Он писал в примечаниях к поэме А. Галлера «О происхождении зла», что свободная воля – «драгоценнейший дар творца, сообщенный им тварям избранным». По мнению Карамзина, она же должна привести его на стезю добродетели: «свободная воля токмо может и паке восстановить падшего» [1, с. 13–14]. Писатель считает, что для этого нужно человеку указать путь к добру, а привести к добру может только просвещение.

Следующий этап становления мировоззрения историка связан с путешествием 1789–1790 гг. и изучением европейской просветительской философии.

Особый интерес у русского путешественника вызывают труды немецкого мыслителя И.Г. Гердера, в частности его небольшое по объему сочинение «Бог. Несколько диалогов» (1787): Карамзину импонирует созданный автором образ «глубокомысленного философа и ревностного читателя божества» Спинозы, нейтрально относящегося к пантеизму и атеизму. Однако, несмотря на такую декларацию, Карамзин все-таки принимает концепцию гердеровского пантеизма: «... бог, о котором идет речь в диалоге, не является творцом мира, это сам мир, состоящий из действующих сил» [2, с. 623]. Писатель, вслед за Гердером, расширяет понятие божественного, вытесняя из него сугубо теологическое представление, рассматривая в нем созидательное начало [9, с. 132].

Своеобразную самостоятельную интерпретацию у Карамзина получила идея постоянного развития и совершенствования физического и духовного мира. Эта идея умело реализуется им применительно к истории человеческой цивилизации.

Будущий автор «Истории государства Российского» считает, что исторический процесс развивается поступательно, хотя и признает, что в ходе развития общества возможны длительные задержки и даже отступления. По мнению писателя, развитие человеческого духа происходит по воле Божией. Именно Законы Отца Небесного и способны спасти человечество и привести его ко благу.

В своем повествовании Карамзин стремится дифференцировать разные культуры по временному и пространственному признакам. Между тем ему важно показать особенности национального сознания каждого народа, он пытается выявить присущие только данному народу черты характера. Писатель еще далек от постижения диалектики общечеловеческого и национального. Однако уже на данном этапе его серьезно занимает соотношение этих категорий.

Постепенно писатель отходит от данного принципа изображения прошлого. Существенное значение в этом сыграла Французская буржуазная революция, свидетелем которой был сам Карамзин.

Французская революция осмысливается Карамзиным как выдающееся событие, у которого есть свои истоки, предпосылки, следствия. Так, в журнале «Spectateur du Nord» в 1797 году автор «Писем русского путешественника» пишет: «Французская революция относится к таким явлениям, которые определяют судьбы человечества на долгий ряд веков. Начинается новая эпоха» [3, с. 332].

Понимание современности как одного из этапов развития человеческого общества и позволило Карамзину по-новому подойти к вопросу художественного осмысления прошлого. Теперь старина интересует писателя не как характеристика исторического времени, а как некая объективная данность. На материале отечественной истории Карамзин стремится понять характер и значение «связи времен». Таким образом, в творчестве писателя проявляется новая тенденция: акцентирование внимания на историческом факте, а не на мифе как порождении своей эпохи.

В статье «О случаях и характерах в российской истории, которые могут быть предметом художеств» (1803) Карамзин высказывает мысль о том, что изображать нужно только тех исторических героев, существование которых подтверждено документально: «Если бы Гостомысл был в самом деле историческим характером, то мы, конечно бы, захотели его изображения, но Нестор не говорит нам ни слова» [там же]. Писатель не отрицает наличия мифических элементов в историческом повествовании, но подчеркивает, что отношение к ним должно быть особым: «Во всяких старинных летописях есть басни, освященные древностию и самым просвещенным историком уважаемые, особливо, если они представляют живые черты времени...» [там же].

По мнению Карамзина, понять настоящее, предугадать будущее своего народа помогает переосмысление прошлого, поэтому основная задача историка – раскрыть глубину русского национального характера, формировавшегося в течение многих веков.

Значительную роль в становлении историософской концепции Карамзина сыграли труды английского просветителя Д. Юма, основная идея которого сводилась к пониманию истории как «истинно» развивающегося процесса. По мнению ученого, через искусно поданный фактический материал историк действует на чувства человека, воспитывает его разум, сообщает идеи и понятия, которые имели особую значимость не только в прошлом, но и в настоящем, нежели как «поэтическое описание может произвести более осязаемое действие на фантазию» [10, с. 102–131].

В конце XVIII столетия Карамзин вырабатывает принципы подхода к историческому материалу. Однако его отношение к этой проблеме двойственное. С одной стороны, писатель, рассказывая о событиях, давно прошедших, должен заботиться не столько о правдивой их передаче, сколько создавать настроение, внушать представление о прекрасном. Будущий автор «Истории государства Российского», сравнивая задачи историка и писателя, указывал на специфику творческого отношения последнего к явлениям действительности. «Историк, – пишет в рецензии на «Сида» Карамзин, – должен описывать все, как оно было, не думая о впечатлении, которое сделает в читателе описыванием». Поэт же совершенно не обязан следовать во всем действительности, но зато он должен «производить определенное действие... радость или горечь» [4, с. 92]. По мысли писателя, искусство выявляет эстетические возможности истории. В художественном повествовании «вымысел нужен... автору не для того, чтобы украсить, позолотить, улучшить историю, а для того, чтобы заострить ситуацию и характеры,

придать истории эстетическую яркость, картинность и впечатляемость» [4].

С другой стороны, историк, основываясь на документально подтвержденных фактах, должен не просто беспристрастно описывать события прошлого, но и производить впечатление на читателя, ибо воссозданная «в картинах история способна влиять на путь добродетели – в этом ее сила. Эта мысль высказана Карамзиным в статье «Рассуждения философа, историка и гражданина» (1795). Как видим, задача, стоящая перед создателем «Истории государства Российского», расширяется: необходимо не только познакомить современников со своим видением истории, ее основными событиями, но и вызвать отклик в их душах, воздействовать на добродетельные сердца, эстетически влиять на читателя. Стало быть, черты художественности в «Истории государства Российского» определены самим замыслом.

Несколько позже в «Предисловии» к «Истории государства Российского» Карамзин четко обозначил как свои основные историографические ориентиры, так и задачи писательские. Он отказывается от во многом умозрительных идей естественного права, считая недопустимым проникновение социальных учений в сферу историографии. Карамзин полагает, что в историческом труде нужно описывать не только народные бедствия, но и изображать «все, что входит в состав гражданского бытия людей». Главная задача историка – объяснять дела прошлого, дополняя мысли летописцев [5, с. 237].

В «Предисловии» Карамзин исследует особенности жизни народов, обитавших на территории России, отмечает различные черты быта, культуры, правления.

Карамзин считает, что государственность началась с варяжских правителей, призванных властвовать на Руси: «Начало Российской истории представляет нам удивительный и едва ли не беспримерный случай: славяне добровольно уничтожают свое древнее народное правление и требуют государей от

варягов, которые были их неприятелями. Везде меч и хитрость честолюбивых вводили самовластие (ибо народы хотели законов, но боялись неволи), в России оно утвердилось с общего согласия граждан – так повествует нам летописец; и рассеянные племена славянские основали государство» [5, с. 67].

В отличие от государей и правителей, Карамзин не дифференцирует народную массу: простой люд в «Истории государства Российского» представлен в виде единого целого, толпы, определенным образом реагирующей на призывы и деяния правителей. В понимании Карамзина народ – неразумная паства, нуждающаяся в едином организующем начале – сильной власти. Во времена боярских и княжеских смут народ – пассивный наблюдатель, увлекаемый то одной, то другой стороной конфликта, но всегда интуитивно ощущающий истинного правителя.

Эти идеи художественно реализуются во всем тексте «Истории», однако особенно ярким моментом, подтверждающим, по мысли Карамзина, бесспорную целесообразность единой централизованной монархии, является царствование Иоанна III – первого самодержавного государя, истинно просвещенного.

Единение государственной власти в одних руках знаменовало окончание периода «слабой» Руси, раздираемой удельными князьями. И одним из важнейших событий Карамзин считает покорение Иоанном III Новгородской республики, падение под рукой государя последнего оплота древней вольницы – Господина Великого Новгорода.

Новгород для Карамзина – определенного рода историко-философский символ того, что древняя республиканская форма правления пережила себя, перестала быть актуальной, и потому ее замена более совершенной властью – самодержавной – уже predeterminedена ходом истории. Историограф живописует лжереспубликанские порядки Новгорода, которыми управляют бояре, готовые на все ради сохранения власти и

богатства, даже на предательство Руси. Именно честолюбием и корыстностью Правителей объясняет Карамзин нежелание новгородских господ признать Иоанна III единым властителем Русской земли.

Народ и государь – неразрывное единство, в котором должна жить Россия, считает Карамзин. При этом государь должен быть в определенной степени выше народа, ибо его обязанность – просвещать, учить, вести к высшему состоянию общества. Поэтому в двуединство государя и народа как бы вмешивается третья сила – Рок, Фортуна, Божество, Провидение. Монарх – своего рода наместник Божества. «Нет противоречия, – пишет Карамзин, – и все справедливо в делах Божества: ибо русские уверены, что Великий Князь есть исполнитель воли небесной. Обыкновенное слово их: так угодно Богу и Государю; ведают Бог и Государь» [5, с. 93].

Оставаясь приверженцем монархического устройства, Карамзин резко осуждает и обличает самовластие. Представление Карамзина об истории и роли монархии, развитые в «Истории государства Российского», кратко изложены в его статье «Историческое похвальное слово Екатерине Второй»: «Зерцало веков, История представляет нам чудесную игру таинственного рока: зрелище многообразное, величественное. Но что более всего пленяет внимание мудрого зрителя? Явление великих душ, полубогов человечества, которых непостижимое Божество употребляет в образе своих важных действий. Сии любимцы неба, рассеянные в пространстве времен, подобны солнцам, влекущим за собой планетарные системы; они решают судьбу человечества, определяют путь его, неизъяснимой силою творят и разрушают царства; образуют эпохи, которых все другие бывают только следствием; они, как сказать, составляют цепи в необратимости веков, подают руку один другому, и жизнь их есть История народов».

Эмоциональная выразительность и образность слов писателя убедительно подтверждают мысль о художественной сути

«Истории государства Российского». В высказывании создан пространственный образ времени, дана яркая характеристика правителям, «полубогам человечества», «любимцам неба».

Исторический процесс представляется историографу в виде Вектора, направленного от дикого состояния народов в сторону осознания необходимости сильного государства и принятия идей самодержавия как высшей точки государственности в России [8, с. 147]. Заметим, направленность «вектора истории» связана в сознании писателя с идеей прогресса. Карамзин довольно строго следует своей концепции – он показывает в «Истории» путь Руси от дикого самовластия до просвещенной монархии в лице Иоанна III. Эта идея является своего рода формообразующим началом, задавая не только тон повествования, но и композиционные моменты. На первый план выводится образ Монарха, полководца. Образ народа и выходцев из него, напротив, занимает периферийную позицию, явно проступая в комментариях Историографа к событиям. Монарх действует, народ подчиняется его воле и пожинает плоды его деятельности. Самодержавие, по Карамзину, – это не самовластие, а полновластие венценосца как во внешней политике (забота о суверенитете страны), так и внутренней – по отношению к подданным царь обладает всей полнотой прав. Конечно, государь остается хранителем, гарантом единства страны, ее территориальной целостности, единодержавия [там же]. Малейшее забвение этого принципа, тем более его сознательное умаление, полное отрицание, дорого обходится народу. Уже в этих умозаключениях просматриваются художественные контуры аппозиции власти и народа.

Каждый том «Истории государства Российского» имеет свою кульминационную точку, связанную с повествованием о наиболее значительном деянии государя на благо России. С ростом и становлением государственной власти растет и внутренняя «напряженность» повествования. Интересно, что в зависимости от интерпретаторского подхода к тексту мож-

но выстроить несколько общих для всей «Истории» сюжетных линий: одна из них драматична – Русь проходит длительный путь к процветанию, но в повествование входит «герой-разрушитель», тиран, чье правление влечет за собой великие потрясения.

История для Карамзина и в труде Карамзина – это как бы особый макросюжет. Он, то есть «сюжет», имеет свои узлы, свои пространственные и временные зоны в «Истории государства Российского»: пора язычества сменяется периодом княжеских междоусобиц и многочисленными попытками преодолеть их, наиболее ярко предпринимаемыми Ярославом Мудрым, затем показана драматическая эпоха раздробления Руси под ударами монголо-татар. Новый цикл – сложный процесс объединения, освобождения от порабощения, далее – централизация Руси, эпоха Иоанна IV, укрепление монаршеской власти, самодержавия, провидчески, по Карамзину, ведущего Россию к вершинам могущества и трагическим противоречиям. Таким образом, само живописание Карамзина предлагает не только скупое следование за фактами, но и воссоздание картины жизни, точность и емкость характеров исторических деятелей, полную драматизма и противоречий судьбу народа. Понятно, что это требовало особой формы эпического повествования, которая, на наш взгляд, найдена Карамзиным, выступившим в «Истории государства Российского» не только ученым, но и писателем.

Карамзин-художник тяготеет к изображению преимущественно поворотных моментов судьбы страны и героев, их сюжетному развитию свойственны драматизм, острота конфликта, определяемого борьбой личности с косностью окружающей жизни, с царящим в мире злом.

Считалось, что в историческом образе вымысел совершенно исключен, фантазии отводилась вспомогательная роль в интуитивном акте нахождения материала и осмысления его. Но в этом случае Карамзин выступает одновременно и как историк,

и как художник. Он воссоздает обстоятельства, раскрывает судьбы исторических персонажей так, как ему представлялись типичные люди той эпохи, используя при этом летописный и документальный материал, выражая собственное отношение к происходящему.

Вероятно, это и определило сюжетосложение «Истории государства Российского», которое основано на столкновении исторической личности, чаще всего государя, с окружающим миром, внешними и внутренними обстоятельствами. Главная причина обращения к данной системе сюжетосложения обоснована желанием писателя последовательно проследить исторический путь России, определить роль каждого из Государей, дать точную мотивировку действий и поступков, вызвать впечатление достоверности, естественности и объективности повествования.

«История государства Российского» начинается с развернутой экспозиции – подробном рассказе о жизни древних славян, – необходимой для того, чтобы показать закономерности последующих событий, мотивированность их. На наш взгляд, уже здесь начинают вырисовываться исторические контуры дальнейшей судьбы России. «Они [славяне. – Е.Ж.], сильные телом и мужеством, могли бы, соединяясь, овладеть Европою; но, слабые от развлечения сил и несогласия, почти везде утратили независимость, а... некоторые забыли и самый язык отечественный» [5, с. 64]. Уже в данной характеристике художественно точно подмечено основное противоречие, которое во многом сказалось на развитии сюжета в дальнейшем от эпохи княжеских междоусобиц до построения российской государственности Иоанном IV.

Карамзин часто сетовал, как трудно, медленно подвигается «единственное дело и главное удовольствие всей его жизни. Весной 1804 года он сообщил брату: «Пишу теперь *вступление...* этот первый шаг всего труднее мне» [6, с. 164]. Такое признание закономерно, так как завязке действия – времени при-

нения христианства на Руси – отводится роль, сказали бы мы, фундамента, того твердого основания, без которого не мыслимо дальнейшее развитие действия. Карамзин многократно подчеркивает, что именно введение христианства определило нравственную суть самодержавной власти, государственное устройство России.

Развитие действия состоит из стройного, последовательного повествования-анализа тех событий, исторических судеб, которые происходили в период феодальной раздробленности.

Сюжет движется по единому принципу, придавая повествованию особую динамичность, раскрывая трагические последствия ошибок государей и прославляя их добрые деяния. Понятно, почему государи имели не только имена, но и определения к ним: «Темный», «Мудрый», «Окаянный», «Грозный».

Бесспорно, точкой наивысшего напряжения, кульминацией действия следует считать царствование Иоанна Грозного, ибо все положительное и отрицательное в самодержавной власти доведено в этот период до крайностей. Государи в лице Иоанна Грозного почувствовали себя «как бы» равными Всевышнему, вершат судьбы страны и людей со словом Божиим. Однако их личные качества, по мысли Карамзина, не менее важны. Трагедия эпохи Иоанна IV в том и заключается, что все проблемы – политические, экономические, нравственные – доведены до предела.

Будучи моментом наибольшего напряжения, кульминация обычно заставляет читателей ждать немедленного разрешения противоречий, то есть развязки действия. Однако в «Истории государства Российского», на наш взгляд, развязки как таковой не наступает, хотя формально убийство Лжедмитрия можно считать ею. Поступательное движение исторического процесса не остановить, через новые трагедии и ошибки угадывается не конец, а новый виток истории.

Карамзин – художник обогащает содержание «Истории государства Российского», в его концепции проявляются чер-

ты гражданственности, в трактовке характеров исторических деятелей писатель не просто эпически точно рассказывает об их деяниях, промахах и ошибках, он анализирует, сопоставляет, то есть воздействует на читателя. Понятно, что сюжетосложение определено особенностями времени, позиции и художественного таланта Карамзина.

Список литературы

1. *Галлер, А.* Происхождение зла: перевод Н.М. Карамзина / А. Галлер. СПб. 1786.

2. *Гулыга, А.В.* Гердер и его «Идеи к философии истории человечества» / А.В. Гулыга // Гердер, И.Г. Идеи к философии истории человечества / И.Г. Гердер. М., 1977.

3. *Карамзин, Н.М.* Избранные сочинения. В 2 т. Т. 2 / Н.М. Карамзин. М.-Л., 1964.

4. *Карамзин, Н.М.* Мелодор к Филалету / Н.М. Карамзин // Аглая. 1795. № 6.

5. *Карамзин, Н.М.* История государства Российского. В 12 т. Т. 1 / Н.М. Карамзин. М.: Рипол классик, 2001.

6. *Карамзин, Н.М.* Неизданные сочинения и переписка / Н.М. Карамзин. СПб., 1862.

7. *Карамзин, Н.М.* О случаях и характерах в российской истории, которые могут быть предметом художеств. Письмо к господину NN // Н.М. Карамзин. Избранные сочинения в двух томах. М.-Л., 1964.

8. *Кислягина, Л.Г.* Формирование идеи самодержавия в политической концепции Н.М.Карамзина / Л.Г. Кислягина // Вопросы методологии и истории исторической науки. М., 1977.

9. *Кочеткова, Н.Д.* Формирование исторической концепции Карамзина-писателя и публициста / Н.Д. Кочеткова // XVIII век: сб. 13, Проблемы историзма в русской литературе. Конец XVIII – начало XIX века. Л., 1981.

10. *Лотман, Ю.М.* Черты реальной политики в позиции Карамзина 1890-х годов: к генезису исторической концепции Карамзина / Ю.М. Лотман // XVIII век: сб. 13, Проблемы историзма в русской литературе. Конец XVIII – начало XIX века. Л., 1981.